

СОМНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Федор Петрович Никомушин проснулся, поглядел в окно и нисколько не удивился тому, что идет дождь. Более того. Если бы за окном светило солнце (как предсказывал накануне прогноз погоды) — он почувствовал бы себя неуверенно и неуютно. Потому что солнечная погода ни в какой мере не соответствовала его внутреннему состоянию.

Федор Петрович расслабленно вздохнул, потянулся и тут же с опаской взглянул на спящую жену. Убедившись, что жена не проснулась, он вздохнул еще раз и прошлепал босыми ногами на кухню. Здесь, вскипятив в облупленном чайнике немного воды, Никомушин кое-как побрился, вяло поковырял вилкой холодную котлету, оставленную на завтрак с вечера, и, наконец-то, посмотрел на часы. Часы показывали без четверти восемь.

«Ну вот, — подумал он. — Опять я сегодня опоздаю».

Оставленный на плите чайник негодуяще свистнул. Федор Петрович испуганно оглянулся, поспешно повернул краник. Плита пыхнула, чайник успокоился.

Никомушин вернулся в комнату, оделся и направился к двери.

— Ключи не забудь, — сонно сказала жена, поворачиваясь на другой бок.

— Ладно, — буркнул Федор Петрович и вышел на улицу.

Обычно, по дороге от дома к месту работы, Никомушин придумывал себе какое-нибудь нехитрое развлечение — ну, например, складывал или вычитал в уме номера встречных машин. Если в результате получалось четное число, настроение Никомушина несколько улучшалось. И наоборот.

Но сегодня ему было не до развлечений. Федор Петрович даже не смотрел на машины. Он медленно шел по тротуару, изредка пытаясь подцепить носком ботинка желтый лист, прилипший к мокрому асфальту, и настроение его при этом было отвратительным.

Дело в том, что Федор Петрович находился под сильнейшим впечатлением от вчерашнего разговора с женой. Лидия Степановна была женщиной чрезвычайно прямой и откровенной, а — сами понимаете — подобные качества ни в коей мере не способствуют благоприятному развитию многолетних дипломатических отношений, условно именуемых браком. И даже не то, что не способствуют, а напротив — заставляют многочисленные подводные камни выставлять наружу острейшие свои клыки — крак! крак! — глядишь — и корабль с гордым названием «семья» благополучно идет ко дну.

В то время как Федор Петрович целыми днями находился на работе, вот уже двадцать лет протирая штаны на одном и том же рабочем месте, Лидия Степановна ломала себе голову, как распорядиться семейным бюджетом таким образом, чтобы при минимуме затрат извлечь максимум жизненных благ. Она бесчисленное множество раз составляла списки прихода-расхода; кроила и так и эдак. Нечего и объяснять — ничего не получалось. Ни-че-го! Из того волшебного сундучка, который Федор Петрович скупно именовал «оклад», просто немыслимо было извлечь хоть что-нибудь стоящее. И, в конце концов, Лидии Степановне все это надоело. В конце концов, Лидия Степановна была женщиной. То есть существом нежным, возвышенным и драгоценным. В конце концов, любому терпению приходит конец. Двадцать лет терпела.

Примерно так Лидия Степановна и объяснила мужу. И присовокупила к этой своей короткой, ясной и энергичной речи слово: «Рохля, баба, тряпка, неудачник».

— Ну, что ты уставился? Что ты моргаешь? Ты лучше посмотри, не моргай, нет, ты лучше посмотри! Посмотри, как люди живут!

— Люди! У людей, может, совести нет, — попытался объяснить Федор Петрович. — Люди, может, взятки берут.

— И ты бери.

— Да за что же я буду взятки брать?

— Посмотрите на него! — обратилась Лидия Степановна к репродукции с известной картины Ивана Кон-

стантинovichа Айвазовского «Девятый вал». — Посмотрите на этого детектива!

— Лидочка, ты, наверное, хотела сказать не детектива, а дефектива, — робко поправил Федор Петрович.

— Не умничай, — отрезала Лидия Степановна и снова обратилась к репродукции, на этот раз — со знаменитого полотна Ильи Ефимовича Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». — Посмотрите на него! Ему не за что брать взятки.

— Но ведь правда, не за что... — растерялся Федор Петрович.

— К тебе люди ходят? — деловито осведомилась Лидия Степановна.

— Ходят...

— Ты с ними разговариваешь?

— Разговариваю...

— И тебе не за что брать взятки?

— Нет... — совсем уж растерялся Федор Петрович.

— Не смей нас! — сказала Лидия Степановна.

Федор Петрович украдкой глянул на картину и увидел, что запорожцы, действительно, покатились с хохоту, а один давай строчить что-то гусиным пером. «Придется брать, — с тоской подумал он. — А то ведь засмеют».

— Чем выкручиваться, лучше бы вспомнил, — продолжала Лидия Степановна, и в голосе ее слышалось невыразимое презрение. — Хотя бы как друг твой брал! Я про Мишку, про Мишку говорю. А за что? Да ни за что! Просто человек знал себе цену. А ты...

— Но ведь его посадили, — бледнея, сказал Федор Петрович.

— Зато семью обеспечил! — по-военному коротко отрубил Лидия Степановна. — На всю отсидку. Придет — опять брать будет. Потому что умеет.

— Не смогу... — дрожащим голосом сказал Федор Петрович.

— Не сможешь?! — возмутилась Лидия Степановна. — Тогда я завтра же подаю на развод.

Ну и так далее, в том же духе. Согласитесь, что у Никомушина причин для плохого настроения было более чем достаточно. Как говорится, под завязку. А тут еще этот дождь.

Кстати, о дожде. Вы, пожалуйста, не думайте, что я такой уж противник осенней погоды. Ничуть не бывало. Как это там, у классика: «Унылая пора! Очей очарованье!» Иной раз даже и приятно. Сидишь себе дома, на

диване, в тепле, ноги шерстяным пледом укутаешь, рядом — чашек крепкий. Книжку поуютнее — лучше детектив английский, потолще. А в окошко — стук! стук! — капли. Хорошо! Задремлешь — и не заметишь даже. А сон под этот самый осенний дождь — лучше и не придумаешь. «Старинный вальс, осенний сон...»

Так что я лично — не против осеннего дождя. Это вот Федор Петрович — против. И вечно у него из-за дождя портилось настроение. Может, потому еще, что женился он как раз осенью.

Словом, на работу Федор Петрович идти не хотел. У него даже мелькнула отчаянная мысль — позвонить на работу и сказать больным. Но Никомушин побоялся. И решил просто не пойти. А утвердился он в этом решении, как только увидел желтое, мокрое, наполовину облезшее здание места своей службы и вывеску «Ремуправление» — справа от входа. Слева висела вывеска «Ромулуправление» — второго учреждения, по-братски делившего помещение с первым.

Федор Петрович Никомушин вдруг почувствовал сильнейший озноб — как в те далекие времена, когда, учась в школе, он прогуливал уроки геометрии.

Федор Петрович резким движением поднял воротник плаща, чтобы сослуживцы не узнали — ни дать ни взять, иностранный шпион из отечественной киноленты, — и сделал поворот на сто восемьдесят градусов.

То есть пошел в противоположном направлении.

Но в противоположном направлении, в самом конце его, вырастала монументальная фигура разгневанной Лидии Степановны. Встреча с женой также не устраивала Никомушина. Поэтому шаги Федора Петровича постепенно замедлялись, и вскоре он застыл в совершеннейшей нерешительности на одном из перекрестков. Думал он долго, очень долго, а потом повернул и зашагал в новом — третьем за сегодня — компромиссном направлении.

Почти до самого вечера Никомушин проболтался по улицам родного города. Ходил он нещадно поливаемый дождем, и за весь день так и не возникло у него желания пойти домой. У пивного ларька, что около Центрального рынка, Никомушин долго и с интересом следил за очень серьезной дракой, возле кинотеатра «Космос» долго и с интересом наблюдал за милиционером, который, несмотря на дождь, лихо расправлялся с нескончаемым потоком автотранспортных средств, на улице Артилле-

рийской долго и с интересом шел за оригинальным пьяным, пока тот не остановился и не предложил, очень нецензурно, выяснить отношения. Тогда Никомушин вернулся в центр.

Пообедал он в угловом гастрономе, у стойки, двумя пирожками с картошкой и стаканом круто посоленного томатного сока. А когда наконец наступил вечер, захотелось Никомушину зайти. Куда-нибудь.

Находился он в это время неподалеку от небольшого стеклянного кафе без названия. Федор Петрович подумал немного, потом мокрыми от дождя пальцами нащупал скомканную, но приятную на ощупь бумажку. Он извлек ее на свет божий, расправил и с удовольствием несколько раз, прочитал:

— Три рубля.

Даже не так, а этак:

— Тр-ри р-руubl-л-ля.

Или даже не прочитал, а пропел. Вот так:

— Тр-ри-и-и р-руubl-л-ля-яля-ля.

Ну, в общем, отлично сказал. Вкусно и весело. А прочитав, вернее, пропев, свернул бумажку, спрятал ее во внутренний карман и бодро зашагал к ярко освещенной стеклянной коробке с надписью «Кафе».

И вот что из этого получилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В кафе было тепло и уютно. Весело мигали неоновые светильники — видимо, собирались перегореть. У обитого алюминием длинного прилавка раздачи не было никого, и это понятно, потому что и за прилавком тоже никого не было. А рядом с этим самым прилавком располагалась стеклянная витрина, и вот возле витрины как раз и толпились граждане одного — мужского — пола и различного возраста. Граждане стояли плотно и молчаливо.

Федор Петрович на минуту оробел, но потом, приняв достаточно достойный, серьезный и солидный вид, попытался протиснуться к стойке. Это ему не удалось. Его спросили:

— Инвалид?

— Н-нет, — испуганно ответил он.

— Тогда в очередь.

— За кем?

— За мной, — сказал один из граждан, и Федор Пет-

рович послушно встал в очередь. Спустя несколько томительных минут он, наконец, оказался притиснутым к мокрому прилавку. Буфетчица в белой куртке оцепивающе глянула на него. Федор Петрович несколько смутился и, предательски краснея, буркнул:

— Пиво.

— Одно? — спросила буфетчица.

— Одно, — ответил Федор Петрович, стараясь не смотреть на обернутые серебристой фольгой горлышки бутылок с шампанским, и выложил на прилавок трешку.

Буфетчица шумно поставила чистую кружку, в алмазных гранях которой отразились подмигивающие огоньки, и крунула кран. В кружке мгновенно расцвела пышная кружевная пена. Спрятав в карман мокрую, обильно политую пивом горсть мелочи, Федор Петрович пошарил глазами по залу и с кружкой в руке направился к ближайшему столику. Не успел Никомушин присесть, не успел хватить губами седой пенный чуб, как к столику подошли двое, и один из них, помоложе который, спросил:

— Свободно?

Никомушин освободил рот, переправив несколько глотков пива в желудок, и ответил:

— Свободно.

Двое уселись шумно и поставили свои кружки рядом с кружкой Федора Петровича. Почти впритык. Один из них, постарше который, сказал:

— А вот давай у товарища спросим. — Видимо, они продолжали начатый разговор.

— Давай, — кивнул помоложе и обратился к Никомушину: — Вот вы не знаете, случайно, через дорогу до которого дают?

Никомушин не знал. Постарше сказал:

— Будем здоровы.

Никомушин согласился. Они втроем состукнули кружки и отпили понемногу за здоровье. Помоложе сказал:

— Между прочим, здесь всегда самое свежее пиво. С пивзавода закачивают, по трубам. Пивзавод через дорогу.

Никомушин промычал что-то непонятное. Ему было хорошо, и с каждым глотком становилось все лучше, и соседи ему тоже нравились. Но о чем с ними говорить — он понятия не имел.

— Тебя как зовут? — спросил помоложе.

— Федор... Петрович, — ответил Никомушин.

— А меня — Коля, — и помоложе протянул Никомушину большую красную лапу. — Будем знакомы.

У Коли были огненно-рыжие волосы и маленькие глаза. От дождя волосы висели сосульками, а от чего-то еще глаз почти не было видно.

— Батя, — обратился он к старику. — Ты бы взял еще по паре. Нам с Федей за знакомство надо выпить.

— Сей момент, — сказал старик, и его точно сдуло со стула и перенесло к стойке.

— Уважает, — подмигнул Коля. — И любит. И правильно. — Когда он подмигнул, один его глаз исчез вовсе, зато второй неожиданно раскрылся очень широко. Федор Петрович прыснул в кружку. Коля не обиделся. Коля поддержал. Его гулкий смех на мгновение перекрыл общий шум.

Старик, проворно лавируя на полусогнутых ногах между столиками, принес четыре кружки и, выгнув спину и отставив локоть так, словно через него была переброшена салфетка, сказал:

— Прошу.

— А стакан? — спросил Коля.

— Сей момент, — и он снова засеменил к стойке. Буфетчица, не глядя, сняла с полки граненый стакан, и стакан был торжественно доставлен.

— А бутылка? — спросил Коля.

— Есть, есть, — засмеялся старик, водружаясь на стул. — Принимая во внимание переменчивость осенней погоды и во избежание неудобств, имеем на всякий случай, — он порылся в своем необъятном, давно потерявшем всякий цвет пальто и вытащил небольшую плоскую бутылку с завинчивающейся крышкой.

— Все, что ли? — разочарованно протянул Коля.

— Коля! — укоризненно сказал старик. — Это же спиритус ректификати! Напиток богов!

— Чего ж про магазин болтал? — так же укоризненно спросил Коля.

— Ну, мало ли, — уклончиво ответил старик.

— Жмот, — сказал Коля.

— Коля! — покачал головой старик. — Что за жаргон! Откуда столь неизящные слова в твоих устах? Товарищ о нас Бог знает что подумать может.

Коля заржал и, хлопнув старика по выгнутой спине, повернулся к Федору Петровичу:

— Во! Голова, Федя, первый сорт. Интеллигент. За что и люблю... Наливай, батя.

Федор Петрович испугался:

— Это — спирт? Чистый?

— Грязных не пьем, — ответил Коля.

— Я... не пил никогда.

— Все мы когда-то никогда не пили, — сказал молодой философ Коля. — Все мы были невинны, как... как... как? — он повернулся к старику.

— Аки голуби, — подсказал старик. — Но теперь, хоть мы и не невинны, зато мудры, аки змии. А потому, — он на треть наполнил стакан, — выпейте, дорогой Федор Петрович.

Федор Петрович с опаской поднял стакан.

— Пей, не тани, — строго сказал Коля. — Посуду задерживаешь.

Федор Петрович сделал глоток и задохнулся. Сквозь слезы он увидел, как старик подсовывает ему кружку.

— Ты, Федя, запей, запей, — посоветовал Коля. Он в свою очередь одним духом проглотил спирт и, крутнув головой, сдавленно сказал: — Класс.

Федор Петрович почувствовал, как в животе разливается тепло, и стало ему совсем хорошо. Даже не то что хорошо, а вовсе замечательно. Превосходно просто. Только в горле пекло.

А Коля сказал:

— Еще по одной — и будет по две.

— Давай, — согласился Федор Петрович. — Наливай, — и уже уверенней выпил спирт и запил его пивом.

Весело мигали светильники, старик метался между стойкой и столиком. Федор Петрович выложил мелочь, Коля накрыл ее рублем, и тогда старик на секунду исчез, а когда появился, то появился с двумя бутылками «Золотой осени».

Коля чувствительно произнес:

— Кафэ-э, за полночь, мы у столика, — он икнул. — Еще чужие, но уже... — он опустил голову и задумался.

— Стихи, — значительно сказал старик. — Романтика. Федор Петрович сочувственно поддакнул.

— Хороший ты мужик, Федя! — рывкнул окончивший думать романтик Коля. — Я тебя уважаю! — и они поцеловались.

— И я тебя уважаю, — сказал Федор Петрович.

— Эх! — Коля рванул рубаху. — Все мы сироты!

Федор Петрович посмотрел. На могучей Колиной груди красовался сине-зеленый гроб. Над гробом шла надпись: «Отец, ты спишь, а я страдаю».

И к светлому, безоблачному настроению Никомушина примешалась грусть — тоже, впрочем, безоблачная, и даже приятная — как теплота в желудке. Федор Петрович понял, что полюбил — полюбил несчастного сироту Колю и такого доброго и услужливого старика. Ему и самому тоже захотелось стать добрым и чуточку несчастным. И он начал рассказывать своим новым друзьям о несложившейся и неудачной жизни. Рассказывал он долго и со вкусом, так что несколько раз даже прослезился.

К концу его рассказа кружки были пусты, бутылки — тоже, а Коля спал. Спал он сном невинным и глубоким, и Федор Петрович позавидовал ему — позавидовал, впрочем, тепло и по-хорошему.

— Да-а... — протянул старик. — Дела-а... Вот ведь и на Луну летаем.

— Летаем, — подтвердил Никомушин.

— И в недра земли проникаем, в пучины, можно сказать.

— Можно, — согласился Никомушин.

— А вот что с человеком, с душой его, с ин-ди-ви-дуаль-но-стью — ни-ни.

— Ни-ни, — вздохнул Никомушин. В носу защипало. Никомушин высморкался и вытер заслезившиеся глаза.

— Знаете, Федор Петрович, — сказал вдруг старик. — А я бы мог вам помочь. Оказать, в некотором роде, услугу.

— Никто мне не может помочь, — горько и твердо сказал Никомушин. — Никто.

— Э-э, нет, не скажите, дорогой мой, не скажите, — усмехнулся старик. — Я ведь, в некотором роде, врач. А вы, в некотором роде, больны.

— В каком же это роде я болен? — недоверчиво спросил Никомушин, покосившись на спящего Колю.

— А вот пойдете со мной, — предложил старик.

Никомушин пристально посмотрел на него. Вернее — попытался. Потому что глаза его съехались к переносице и смотрели друг в друга.

— Пойдемте, — сказал Никомушин.

Не будь Федор Петрович так пьян, возможно, он и заметил бы кое-что. Заметил бы не очень хороший блеск стариковских глаз, а наклонись он и взгляни повнимательнее, увидел бы и еще что интересное — копыто, к примеру, или там хвост. Но, как уже было сказано, глаза Федора Петровича были кристально прозрачны и, съехавшись у переносицы, казались очищенными не только от

задних мыслей, но и от иных. Поэтому Федор Петрович кое-как встал вслед за стариком и, балансируя на невидимом канате, направился за ним.

— А Коля? — вдруг спросил Никомушин.

— Коля? — гнусенько улыбнулся старик. — Коля пусть поспит. Вы идете?

— Иду, — соврал Никомушин, потому что ноги его занимались чем угодно, но только не шли.

— А дружка что ж оставляете? — крикнула буфетчица.

— Пусть отдохнет, золотце, — откликнулся старик. — Устал он. Полчасика подремлет, а потом очень тихо пойдет. Адё, красавица, — и направился к выходу.

— А то я — милицию, — лениво пригрозила буфетчица.

Но старик, не слушая, взял под руку неуверенно ступавшего Никомушина и повлек к двери.

— Так мы куда? — спросил Федор Петрович.

— Ко мне, — ответил старик, наваливаясь на массивную дверь.

Они вышли из кафе и отправились к старику.

И вот что из этого получилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Честно скажу — если бы я не знал всей этой истории, не знал бы той сомнительной, в высшей степени неприятной роли, которую сыграл в ней старик, если бы я, наконец, был пьян — и в таком случае, на месте Федора Петровича, ни в жизнь бы я не пошел за таким подозрительным субъектом, как этот старик. Крепко бы подумал, прежде чем соглашаться.

Начать хотя бы с его пальто. Ни я, ни — я совершенно уверен — вы никогда в жизни такого пальто не надели бы. Ну что это за пальто, прости, Господи, — потерявшее цвет, дурно пахнущее, к тому же — явно с чужого плеча. Потому что казалось оно не надетым, а привязанным к тощей морщинистой шее, и, будь я на месте Федора Петровича, я бы непременно захотел это пальто снять и в нем как следует разобраться. Да Бог с ним, с пальто, в конце концов! Если б только оно, так это полбеды. Но из-под пальто торчали галоши, на которые гармошкой опускались пижамные штаны типично больничного вида, а сверху наружу была выпущена голова, даже и не голова, а продолжение шеи. Ни тебе подбородка, ни

тебе лба. Нос как огурец тепличный — длинный и зеленый, а уж глаза — и слов не подберешь. Нет, ни за что не пошел бы я за таким стариком, ни за какие деньги. Озолотили бы — не пошел.

А Федор Петрович пошел.

Правда, к чести его будь сказано, когда все тот же непрекращающийся дождь немного прояснил голову и частично вернул способность анализировать, Федор Петрович задумался.

Они как раз шли мимо газетного киоска — что возле старой бани, — и Федор Петрович сделал слабую попытку высвободить локоть из цепких старческих пальцев. Старик не выпускал.

«Что за тип? — подумал Федор Петрович. — Куда это он меня тащит?»

Он с опаской посмотрел на старика. Старик неутоимо шлепал по лужам, покачивая длинным носом.

«Помочь, видите ли, — продолжал думать Федор Петрович. — Видите ли, помочь. Нашелся. Бюро добрых услуг. Еще заведет куда».

И в голове Федора Петровича залясал бес нехороших подозрений. Федор Петрович вспомнил ряд рассказов. В этих рассказах неосторожных подвыпивших заманивали в жуткие притоны и снимали часы. Правда, в роли преступников выступали обычно коварные красавицы наилегчайшего поведения, а не старики, но... черт его знает!

Федор Петрович тихонько отстегнул часы и попытался подсунуть их под шляпу.

Старик продолжал молча вести Никомушина в неизвестном направлении. Они свернули на совершенно темную улицу, и Федор Петрович протрезвел окончательно.

«Все, — подумал он. — Конец. Крышка».

— Который час? — не останавливаясь, спросил старик.

«Подлец!» — мысленно взвизгнул Федор Петрович, сжимая в свободной руке часы, и осипшим голосом сказал:

— Не знаю... Нет у меня часов! — отчаянно крикнул он. — Разбил!

— Разбил? — старик чуть замедлил шаг.

«Убьет», — подумал Федор Петрович.

Но старик не убил. Он только сказал:

— Как же вы это — неосторожно, — и снова ускорил шаг.

Федора Петровича это не успокоило, а даже наоборот. Он застучал зубами и подумал: «Типичный уголовник. Как его... Пахан».

Тут ему пришло в голову вывести старика на чистую воду, пока не поздно. Собравшись с силами, он выпалил:

— По фене ботаешь?

— Чего?! — остановился старик.

Федор Петрович струхнул.

— Я... того... — забормотал он. — По этой... фене, говорю, б-ботаете...

— Да вы, кажется, боитесь, — в темноте Федору Петровичу показалось, что старик улыбнулся. — Напрасно, ей-же-ей, напрасно. Я же вам объяснил: ни в коем случае не для вреда вашего, а исключительно ради возвышенной пользы направили мы стопы наши к моему убогому жилищу. Ибо зрю я корень зла, коего вы в суете обыденной не зрите и зрить не можете. Ибо зрить сей корень зла не дано вам врагом человеческим, который Сатана. Ибо во всей вашей жизни препоны вам ставит одно и весьма опасное свойство вашей души, а я — поелику альтруист есмь — имею желание навсегда исцелить вас, дабы принесли вы успокоение достойной супруге вашей и сами успокоились. Ибо сие в моих силах, — старик высморкался в лужу и обтер пальцы о пальто. — А засим — обретите веру в проводника вашего, как Данте в Вергилия, и, вложив персты свои в мою длань, следуйте по сей мокрой асфальтовой стезе в скудную обитель мою, дарующую радость, — и старик вновь вцепился в совершенно уже обалдевшего Федора Петровича и повлек его дальше.

И привел-таки Никомушина к себе.

Нечего и говорить — дом был под стать хозяину. В каком-то темном, до невозможности грязном дворе, в углу, рядом с сараями. Дверь была заперта на огромный амбарный замок, а разбитое стекло в единственном окне заменяла фанерная крышка от посылочного ящика.

Внутри пахло сыростью, прелыми листьями и еще Бог знает чем. Старик включил свет и, не снимая своего невообразимого пальто, засуетился. Федор Петрович, вновь лишившийся способности соображать, опустился на жалобно заскрипевший колченогий табурет и тупо следил за подозрительным хозяином подозрительного вида. А хозяин, хлопотливо роясь в шкафчике с косо висящей дверцей, гулко бубнил:

— Причины бед человека — в нем самом. Качества, человеку данные, слишком разнообразны, ибо, наделив человека стремлением к высшему и лучшему, то есть к счастливой и безбедной жизни, к нашему с вами идеалу, — он на миг перестал рыться в шкафчике и глянул на Федора Петровича поверх носа. — Я ведь не ошибаюсь в отношении нашего с вами идеала, нет?

— Нет, — согласился Федор Петрович.

Квартира была препашивейшая, но на притон походила мало, а старик говорил хоть и непонятно, но умно и складно. Федор Петрович успокоился.

— Ну вот, — снова засуетился старик. — Я и говорю, что, наделив человека таковым, вполне естественным и сладостным стремлением, природа... или, скажем, Бог дал ему душевные качества, препятствующие достижению сего сверкающего идеала.

Старик перестал суетиться, извлек из шкафчика большую зеленую бутылку и два захватанных до матовости стакана. Водрузив все это на пыльный, застланный пожелтевшей хрустящей газетой стол, он сказал:

— Выпьем же во исполнение желаний.

В Никомушине вновь зашевелились подозрения. «Не буду пить, — решил он. — Может, отравить хочет». Но старик лихо выхватил пробку и наполнил оба стакана светлой жидкостью. Один, тонкостенный и менее захватанный, пододвинул Федору Петровичу, а второй, гра-
ненный, поднял сам.

— Во исполнение! — повторил старик и выпил залпом.

Федор Петрович мгновенно ощутил сильнейшую жажду и, махнув мысленно рукой на все подозрения, тоже выпил. К нему стало возвращаться хорошее настроение.

— А теперь... — старик таинственно поднял палец. — Выпьем еще раз этого чудодейственного эликсира, выполненного по редчайшим рецептам восточных мудрецов. Но — тс-с! Без сотрясения воздуха. Молча, — он быстро и аккуратно наполнил стаканы эликсиром, весьма и весьма отдающим сивухой.

— Итак, беды ваши, — сказал он, когда стаканы опустели. — Поведаю вам, любезный мой Федор Петрович, что мне открылось. А открылась мне причина ваших бед, корень зла, так сказать.

— И... в чем же он? — настороженно, с некоторым испугом спросил Федор Петрович.

— А в том, уважаемый, — серьезно и скорбно ответил

старик, — что обладаете вы, к несчастью, избытком совести.

И так он проникновенно это сказал, что у Федора Петровича защекотало в носу. «Правду, ох правду дед говорит, — подумал он. — Все из-за совести».

— Эх, — горько сказал Никомушин. — Живут же люди без совести.

— Живут, — поддакнул старик.

— И ведь хорошо живут, — еще горше сказал Никомушин.

— Согласен с вами, — кивнул старик.

И Федор Петрович тяжело задумался. Старик тронул его за плечо.

— А вы? — осторожно спросил старик.

— А что — я?

— Хотели бы так?

— Как? — не понял Федор Петрович.

— Без совести.

— А что толку? — уныло спросил Федор Петрович. — Ну, хотел бы. Ну и что?

Старик гордо выпрямился.

— Так знайте же, — торжественно заговорил он. — В этом я могу вам помочь, ибо мне дарована особая сила. Я могу избавить вас от совести, потому что вы мне глубоко симпатичны.

Федор Петрович ошеломленно открыл рот.

— Итак, отвечайте: готовы ли вы?

Федор Петрович говорить не мог, поэтому только кивнул головой.

— Тогда начнем! — старик погасил свет и зажег толстую свечу. — Велиал, Астарот, — заговорил он глухим голосом. — Слушайте меня!

— Слушаю, — прошептал Никомушин.

— Это я не вам, не перебивайте... Велиал, Астарот, духи света и духи тьмы! Сойдите со своих высот! Сойдите!

«Не сойдут, — огорченно подумал Никомушин. — Что мы для них...»

— Взгляните на несчастного, принесшего сюда свою скорбь и неудачи! Несчастного, смиренно припадающего к вашим стопам!

— Взгляните!.. — горячо зашептал Никомушин. — Взгляните, Астра... Астар... И этот... тоже...

— Да не перебивайте же, — с досадой сказал старик. — Молчите. А то не сойдут.

— Молчу,— послушно сказал Федор Петрович.— Пусть только сходят.

Дальше старик тоже замолчал, глубоко вздохнул и закричал что-то такое страшное, что Федор Петрович едва не потерял сознание. Чтобы прийти в себя, он хлебнул прямо из горлышка, а потом, от обалдения, допил все.

— Астральность!.. Безбрежность!.. Сущность...— вопил старик.— Серафим!.. Херувим!..— и так далее.

Потом он тяжело задышал и шепотом спросил Никомушина:

— Чувствуете?

— Чувствую...— замирая, ответил Федор Петрович.— Ее... уже нет?

— Кого — ее?

— Совести,— понизил голос Никомушин.

— Нет,— подтвердил старик.— Все в порядке.

Федор Петрович немного подумал. Ощущение было приятным.

— А... где она? — спросил он.

— Кто?

— Да совесть же!

— А-а... Она теперь существует сама по себе. Она отдельно, а вы отдельно,— объяснил старик.

— А она ко мне не придет? — опасливо спросил Федор Петрович.

— Не думаю,— ответил старик.— Совесть у вас хоть и большая была, но довольно дохлая. Думаю, она и ходить-то не сможет.

— Вот здорово! — обрадовался Никомушин.

Вот теперь все стало совсем хорошо.

— Сколько с меня? — небрежно спросил Федор Петрович, запуская руку в пустой карман.

— Что вы, что вы! — замахал руками старик.— Как можно... Это мой долг! Рад был, чрезвычайно рад был вам помочь.

— В таком случае, прощайте,— величественно сказал Федор Петрович.

— Оревуар, оревуар,— закивал старик.— Куда вы теперь?

— Домой,— гордо ответил Федор Петрович и так же гордо, хотя и не так твердо, отправился домой.

И вот что из этого получилось.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Что греха таить — всем нам хоть раз, да приходилось возвращаться домой далеко за полночь. Мало ли — засидишься у друзей или еще где, приятные люди, приятная беседа, на часы, понятное дело, и не смотришь, а как помотришь — уж маленькая стрелка побежала по второму кругу.

Так что примерное состояние Федора Петровича можно себе представить. Но не совсем. Ощущал он некоторую приподнятость чувств, а душа его приближалась даже к паренью.

Дождь кончился, большущая яркая луна многожды отражалась в лужах. С темных мокрых веток то и дело срывались капли и звонко щелкали по асфальту, и после каждого щелчка по губам Федора Петровича скользила рассеянная улыбка занятого приятными мыслями человека.

Вдруг он замедлил шаги. Прямо перед ним, шагах в двадцати, сидела собака в позе волка, собравшегося выть на луну.

«Это еще что такое?» — недовольно подумал Федор Петрович и остановился. И правильно сделал. Мало ли ночью шляется бродячих, бездомных и бесхозных собак! А всем известно, что любая из них может оказаться бешеной и покусать.

— Пшла вон! — крикнул Федор Петрович, не сходя с места. Собака не тронулась и посмотрела на Федора Петровича. Было темно, но Федор Петрович мог бы поклясться, что посмотрела она укоризненно.

— Я тебе посмотрю! — возмутился Никомушин и подобрал с дороги увесистый камень. — А ну, пошла вон!

Камень не долетел. Но собака длинно вздохнула и, повесив голову и хвост, уныло затрусилась прочь.

Федор Петрович приободрился и снова зашагал в сторону родного дома. Кварталах в двух ему опять пришлось затормозить, потому что нахальная собака, одной ей ведомыми путями, забежала вперед и сидела, явно поджидая Федора Петровича, на этот раз — в тени.

— Ах ты сволочь... — пробормотал Никомушин. — Собачника на тебя нет... Ну, я сейчас... — он опустился на корточки и пошарил руками. Камня не оказалось. Тогда он решительно обломил на дереве ветку и, постаравшись придать своему голосу ласковые интонации, позвал:

— Иди сюда, маленькая... Ц-ц-ц...

Собака не пошла, но и не убежала. Федор Петрович принялся на цыпочках подкрадываться к ней, то и дело приговаривая:

— Ишь ты, маленькая моя... Лохматенькая... У-тю-тю, бешененькая моя...

А один раз даже сказал:

— Кис-кис.

Собака не шевелилась. Тогда, приблизившись, Федор Петрович поднял ветку и нанес подлой псине сокрушительный удар.

Поднявшись из лужи, он сначала озадаченно огляделся по сторонам, а потом с досадой отбросил ветку. То, что Никомушин принял в темноте за собаку, оказалось кустом, совершенно некстати выросшим чуть не посреди тротуара.

— Вот свинство... — проворчал Федор Петрович. — Повырастали черт-те где... Лесорубов на вас нет... Так я, пожалуй, и до дома не дойду... Экое свинство.

Воспоминание о доме навело на мысль о теплой постели, особенно желанной сейчас, после купания в холодной луже, а упоминание о свинстве вызвало в памяти видение тарелки с нарезанной толстыми крупными ломтями бужениной. И Федор Петрович — в который уже раз! — направил стопы свои к дому, твердо решив не верить больше ни бездомным собакам, ни всяким там собачьим кустам.

Настала, наконец, пора на время оставить Федора Петровича на его дороге — тем более, что, насколько я знаю, с ним никаких особых происшествий не случилось — и, обогнав его несколько, заглянуть в квартиру номер двенадцать на третьем этаже, в шестом доме по улице Цветочной (напротив булочной).

Лидия Степановна, как легко можно догадаться, не спала. Она сидела на разобранной постели, накинув халат поверх ночной рубашки, и переживала. Тем более что причин для переживаний, сами понимаете, хватало.

«Совсем с ума сошел, — думала Лидия Степановна. — Вот уж истинно: седина в бороду, бес в ребро. Ну, пусть только появится!» — она взглянула на часы. Часы показывали четверть третьего, и за окном была ночь.

Нет-нет, Лидия Степановна вовсе не была черствой женщиной, и мысль о том, что с мужем могло приключиться какое-то несчастье, конечно же, приходила ей в голову. Но случилось это часов около одиннадцати, а Лидия Степановна никогда не задерживалась на одной

и той же мысли дольше положенного. Да и, сами судите, какое там несчастье в четверть третьего ночи, когда и транспорта городского почти не видно, и самые отвратительные хулиганы давно уже спят в своих хулиганских притонах и видят сны о своем розовом нехулиганском детстве! Нет-нет, все сроки и для задержки — уважительной — на работе, и для несчастья — непредвиденного — на улице вышли. И Лидия Степановна окончательно остановилась на злом и коварном умысле ничтожества, которому она отдала двадцать лучших лет своей жизни.

Через пятнадцать минут, ровно в половине третьего, раздался звонок. Лидия Степановна поспешила в прихожую, отперла дверь и в ужасе попятилась:

— Фе... Федя... Что с тобой?

Действительно, вид Федора Петровича оставлял желать много лучшего.

— Отдыхаю, — коротко ответил он, снял с себя облепленное грязью пальто и картинно швырнул его под вешалку.

— Отдыхаешь?! — немедленно вскипела Лидия Степановна. — А совесть у тебя есть?

— Со-овесть? — задумчиво протянул Федор Петрович и, не снимая туфель, прошел в комнату. На чистой ковровой дорожке остались жирные куски грязи.

— Я тут места себе не нахожу, с ума схожу, не знаю, что и подумать! — закричала Лидия Степановна.

— А чего тут думать... — бормотал Федор Петрович, укладывая аккуратно на кровать мокрую сломанную ветку. — Нечего тут думать.

— Как это — нечего думать? — возмутилась Лидия Степановна. — Может, тебя убили, может, ограбили, может — я знаю — под машину попал?.. А он — отдыхает!

— Отдыхаю, — подтвердил Федор Петрович.

— Совести у тебя нет! — выкрикнула Лидия Степановна.

— Ах, совести?

— Да, совести!

— Совести у меня, и правда, нет, — торжественно заявил Федор Петрович. И пропел: — Вот она — была и нету, вот она — была и не-е-ету-у.

Лидия Степановна задохнулась от такой — как она решила — наглости, а потом залилась слезами. Тогда Федор Петрович приблизился к ней и с таким наслаждением и с такой силой влепил ей пощечину, что, не найдя его ладонь подходящего препятствия в виде

щеки жены, мог бы он улететь вслед за своей ладонью очень далеко. Может быть, и на край света. Но на этот раз не улетел, зато Лидию Степановну вдавило на мгновение в кресло, как космонавта при перегрузке. На левой щеке медленно проступал отпечаток мужниной ладони.

— Ты... — сказала Лидия Степановна, глядя на мужа широко раскрытыми глазами. — Ты...

— Молчать! — рявкнул Федор Петрович. — Собирай манатки и вали к чертовой матери! Надоела!

— Что-о?! — приподнялась было Лидия Степановна. Но Федор Петрович усадил ее назад тем же манером, после чего принялся вышвыривать из шифоньера платья, халаты и прочее. Свалив все в одну кучу, он уселся сверху и вытащил из кармана сигарету. Лидия Степановна следила за ним остановившимся взглядом. Федор Петрович закурил и, пустив дым в лицо жене, заявил:

— Вот, можешь сворачиваться. И чтоб духу твоего не было!

Полчаса спустя бледная и плачущая Лидия Степановна с двумя чемоданами в руках проществовала из дома на Цветочной в дом на Набережной, к стареньким родителям. И больше она никогда не появится ни в доме на Цветочной, ни на страницах этой правдивой повести.

А Федор Петрович, совершив первый в своей жизни решительный шаг и оставшись один, плотно поел (не смотря на не то очень позднее, не то очень раннее время) и завалился спать.

И спал он невинно, и дышал глубоко — как Коля в кафе, — и никакие неприятные мысли не омрачали его спокойного сна. Старик, видимо, не соврал.

А утром, проснувшись, Федор Петрович кое-что вспомнил, кое-что обдумал и решил отправиться на работу.

И вот что из этого получилось.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Что есть история? То есть не данная, сомнительная (собственно, почему она так называется? Не знаю, не знаю. По-моему, не очень удачно. Какие сомнения? О чем? В чем? Но Бог с нею. То бишь, с ним, с названием). Я говорю об Истории с большой буквы, истории человечества, истории цивилизации, если хотите. Итак, что есть История?

История — это блестящие сражения, проводимые бле-

стящим полководцем, это колоссальные великие переселения народов, это открытия, озарения и поворотные пункты. Вы скажете: неужели всё? Нет, конечно. Но попробуйте-ка вспомнить историю. Что придет вам в голову в первую очередь? А придет именно это, вышесказанное.

А что есть жизнь человека? Та же история. Пусть менее масштабная (хотя — кто его знает?), но тоже с большой буквы, ибо и в ней есть битвы, переселения, озарения и поворотные пункты. Конечно, в целом жизнь человека — длинная череда томительного, скучного и необязательного. Жизнь, повторяю, каждого человека — и тех, кто был до нас, и тех, кто еще только будет когда-нибудь... Но... Но, говорю я, не будем же мы, рассказывая о себе, плести уныло подробную вязь каждоминутных подробностей? Да конечно же, нет. А о других? Тоже? Так почему же, говоря о нашем герое, о Федоре Петровиче Никомушине, не показать нам, опять-таки, именно эти, молниеподобные, яркие вспышки? Или, говоря сухим слогом, узловые моменты.

Итак, проснувшись утром от пронзительного и противного звонка будильника (мне лично кажется, что эти звонки изобрел человек с крайне мстительным характером), Федор Петрович первым делом потянулся с наслаждением и посмотрел в окно. За окном светило повесенному яркое солнце, а небо было чистенько умытым и оттого — веселым. И Федор Петрович нисколько не удивился солнечному утру. Потому что, хотя от вчерашнего и побаливала голова и чувствовалась тяжесть в желудке и ломота в суставах, на душе у Федора Петровича было светло и по-летнему сухо.

Никомушин позавтракал двумя бифштексами, разогретыми на медленном огне, и запил их чашкой отличнейшего ароматного кофе со сливками, после чего, неторопливо выкурив сигарету, отправился на работу.

По дороге он больше не искал себе никаких легкомысленных развлечений. Он разрабатывал план. Он развивал в уме различные варианты и пути своей дальнейшей жизни, соизмеряя их с тем новым, приятным для себя фактом, каким стало отсутствие совести. Этот процесс походил разве что на процесс составления крупным полководцем плана военной операции, когда полководец получает в свои руки новое, весьма эффективное оружие.

Ну, во-первых. Поскольку оклад Федора Петровича был невелик, следовало подумать об увеличении его. Это

казалось осуществимым двумя путями. Первый — не меняя формально размеров денежного вознаграждения за добросовестный труд, открыть для себя побочные источники доходов и призов за добросовестность. Второй — с помощью ряда действий сменить начальника на его высокооплачиваемом посту. Первый, конечно, проще в исполнении, но зато второй — перспективнее. А душа Федора Петровича жаждала новых ступеней общественной лестницы.

Федор Петрович на короткое время замер между этими двумя вариантами, как известный осел некоего Буридана между двумя одинаковыми копнами сена. Но, в отличие от вышеупомянутого осла, который так и сдох от голода между двумя копнами, Федор Петрович думал ровно одну минуту и тридцать две секунды. После чего принял поистине Соломоново решение — выбрал оба пути.

Прикинув возможности достижения цели и обдумав некоторые детали, Федор Петрович прислушался. Внутри него все было спокойно. Совесть по-прежнему отсутствовала.

«У меня совести нет! — мысленно восклицал Федор Петрович, шагая бодро по дымящемуся под солнечными лучами асфальту. — Была — и нету!»

И он гордо смотрел по сторонам. Люди, попадавшие навстречу, казались ему мелкими и достойными лишь самого поверхностного внимания.

«А что? Взять, к примеру, вот эту девицу, — размышлял Федор Петрович. — Да по одному плащу видно, что совести у нее на двоих хватит. Или вон тот старик! Невооруженным глазом видно... Подсказать им, что ли? Ну, нет. Альтруизм? Бескорыстно? Только на бочку! А нет — сами выпутывайтесь!»

Он плыл по океану асфальта среди бесчисленных стай неинтересных людей, как океанский лайнер среди стай судов и суденышек. Все они суетились вокруг, сновали хлопотливо и бесцельно, а он твердо и уверенно следовал намеченным курсом.

— Нет у меня совести! — торжественно и величественно гудел сигнал. — Нет у меня совести! Нет! Нет!

И, выговорив это почти вслух, Федор Петрович шуганул грязную и мокрую дворнягу, почему-то облюбовавшую себе место под вывеской «Ремуправление», и вошел в подъезд.

Раньше, приходя на работу, Никомушин тут же гор-

бился, втыкался взглядом в пол и, юркнув за свой стол, тоскливо мечтал исчезнуть. Теперь же все стало совсем по-другому. Плечи его развернулись, взгляд приобрел особую остроту, а посадка за столом сразу же выказала его необходимость и незаменимость.

Что касается его поведения относительно сослуживцев, то внешне оно почти не изменилось. Никомушин так же вежливо раскланивался с сослуживцами, так же виновато-ласково улыбался им, так же проникновенно здоровался с начальником и, ни божь мой, не заводил обреченным тоном бесконечные разговоры о прибавке к зарплате, о премиях, о материальной помощи и прочем.

Но внутренне это был совсем другой человек. Внутренне Федор Петрович был горд, велик и недоступен. Но главное — энергичен и собран. Он готовился к новому шагу по новому пути. И совершил этот шаг.

В этот день Федор Петрович впервые взял взятку. Чувство его в этот момент можно было бы сравнить с чувством юноши, впервые поцеловавшего девушку. И как тот говорит про себя: «Меня любят, какое счастье», — так Федор Петрович повторял слова, ставшие отныне его молитвой, его кредо, его символом веры:

— Совесть у меня нет.

Очень быстро Федор Петрович научился не только брать, что дают, но и помогать смущающимся посетителям. И, если они обладали достаточно тонким слухом, его намеки не оставались без последствий. А нет — что ж. Намек есть — намек. К делу его, как говорится, не пришьешь. И приходили в другой раз. И слышали. И понимали.

Следует отметить, что Федор Петрович проявлял не только гибкость, но и принципиальность.

Так, например, он выступил с резкой и принципиальной критикой своего начальника. Правда, не на открытом и даже не на закрытом собрании, а в заявлении без подписи. Но важна не форма, важна суть. И Федор Петрович подробно и принципиально описал все злоупотребления начальства. А на следующий день, в аналогичном документе, охарактеризовал его морально-бытовой облик. Копию с документа направил супруге начальника. И хотя обе комиссии и супруга не обнаружили ничего, подтверждающего изложенные Никомушиным факты, инфаркт начальника все-таки хватил.

Вот тут Федор Петрович проявил замечательный такт и огромную человечность. Были, были и торжественные

проводы на досрочно заслуженный отдых, и пропикновенные речи, и памятные подарки, а уж цветов! Море цветов, цветочный Везувий, океан цветочный! И все Федор Петрович.

К тому времени Никомушин был уже заместителем начальника. И, естественно, занял новый кабинет, став начальником «Ремуправления». И недалек был день, когда «Ремуправление» и «Ромулуправление» должны были слиться в единое «Римуправление», опять-таки под начальством Федора Петровича. Он теперь занимал чудненькую, уютненькую четырехкомнатную квартиру в новом доме, с финской кухней, чешской стенкой, японским цветным телевизором и немецким холодильником. Он обладал новенькой, с иголочки, сверкавшей лаком и никелем «Ладой». И по-прежнему был обладателем абсолютного отсутствия совести. Счастье Федора Петровича было полным и безоблачным, чистым и светлым, как весеннее небо.

Но... Ничто не вечно под луной. Еще древние говорили о ревности богов и, очевидно, были правы. Древние всегда правы. Счастье Федора Петровича Никомушина, такое, казалось бы, прочное и определившееся, вдруг омрачилось. В самый неподходящий момент и самым неожиданным образом.

А началось все в один прекрасный (ах! несчастный!) вечер. По некоторой причине — о ней будет рассказано ниже — Федор Петрович решил пройтись по уютной улице возле своего дома.

И вот что из этого получилось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Был теплый весенний вечер. Федор Петрович вышел из дома и неторопливо пошел по улице, с наслаждением вдыхая вечерний воздух, пропитанный ароматом цветущих каштанов.

Что говорить! Если бы давно забытая бывшая супруга Лидия Степановна увидела своего бывшего мужа — вряд ли она узнала бы его. Столь разительно изменился облик Федора Петровича.

На Федоре Петровиче был отлично сшитый костюм — темно-коричневый двубортный пиджак с широкими отстроченными лацканами и шоколадного цвета брюки, превосходно сохраняющие стрелку. Матово отсвечивали в свете фонарей красно-коричневые английские туфли. Тщатель-

но повязанный шерстяной французский галстук оттенял твердые острые концы воротника белоснежной сорочки. Безымянный палец левой руки охватывал пояском массивный золотой перстень с монограммой. А весь вечерний туалет Федора Петровича завершали модные очки в роговой оправе и ореховая трость, на которую он легонько опирался при ходьбе.

Да и лицо Федора Петровича претерпело ряд изменений. Взять хотя бы щеки. Думаете, щеки у людей похожи? Не скажите! Именно щеки говорят о подлинной жизни человека. Увидишь, к примеру, впалые, исцарапанные от торопливого бритья, серые — и ясно, что обладатель их не успевает за стремительным бегом времени и не в ладах с успехом. И наоборот — округлые, всегда гладкие, со здоровым цветом кожи щеки вызывают мысль о достатке, довольстве и покое. Вот как раз такие были у Федора Петровича. А на них спускались седоватые, аккуратно подстриженные баки. И, кроме того, недавно Федор Петрович отпустил усы. Пристойные, так же, как и баки, аккуратно подстриженные, выгодно подчеркивающие благородного рисунка нос.

Нет, ни за что бы Лидия Степановна не узнала в этом достойном, хорошо и со вкусом одетом гражданине своего бывшего мужа. Разве что на визитной карточке, небольшой запас которых Федор Петрович всегда имел при себе, она бы прочитала: «Theodor P. Nikomushin. Natchalnik upravljenija».

Федор Петрович прогуливался, изредка поглядывая на часы. Кажется, следует, наконец, назвать причину, по которой Федор Петрович вышел на улицу.

Никомушин ждал гостей. Точнее — гостя. Еще точнее — гостью. Что делать — весна! Словом, Федор Петрович ждал молодую особу лет двадцати — двадцати пяти по имени Света. Света привлекла внимание Федора Петровича, во-первых, цветом и пышностью волос — она была натуральной блондинкой, во-вторых, — большими голубыми глазами и, в-третьих, — исключительно изящной фигурой. Кроме того, Света была подчиненной Федора Петровича и смотрела на своего начальника так, что в больших голубых глазах появлялось почти религиозное чувство обожания. На это обратил внимание заместитель Никомушина, Саша Зиппер, молодой лысоватый человек с очень скромным взглядом. И однажды сказал Федору Петровичу, почесывая мизинцем лысину:

— А знаете, Федор Петрович, Светочка-то наша от вас без ума.

Никомушин строго посмотрел на него, но Зиппер, не смущаясь, добавил:

— Вы бы ей оказали внимание. Все-таки мучается девушка.

Никомушин сухо приказал прекратить намеки, но Зипперовы слова запомнил. Так что... Да, вот по какой причине прогуливался Федор Петрович возле дома.

За углом слышались шаги. Федор Петрович пригласил на свои губы сдержанную, но ослепительную улыбку. Однако из-за угла вышла не Света, а очень подозрительный тип. В свете фонаря его лицо казалось совершенно бордовым, а глаза — полужакрытыми. На типе была телогрейка и рыжие штаны, заправленные в резиновые сапоги. На плече у типа лежала грязная совковая лопата.

Увидев Федора Петровича, тип остановился, взял лопатой на караул, приложил два пальца к лохматой голове и сказал:

— Привет, начальник.

Федор Петрович отвернулся. Тип обиделся.

— Ах, в-вот мы к-какие? — сказал он, выпятив толстую губу, и прислонил лопату к стене. — Вот, з-значит, какие мы г-г-гордые, недо... неподку... ступные....

— Я вот сейчас — милицию, — негромко, с достоинством сказал Федор Петрович.

— Ми-ли-ци-ю-у-у?! — оскорбленно протянул тип. — Пу-гать взду...здумал?... Ах, ты, падло... Да я, может, сам в ми...ми-ци-лии служу!.. Я... — он пошатнулся было, но не упал, вцепившись в лацканы Федора Петровичева пиджака. — Я ж тебя, сволочь, сам им сдам... П-под р-рсписку, понял?!

Федор Петрович оттолкнул его и хотел было уйти, но пьяный не отпускал. Взявшись за лацканы поудобнее, он забубнил:

— Давай рупь, гад, а то заложу... Нафр-раерился, паскуда!.. Д-думаешь, я не... не зн...нзаю, какой ты есть?.. Я... я все знаю. Все про тебя... м-мерзавца... И скажу... куда н-н-надо... — с этими словами пьяный отпустил лацкан, чтобы помахать указательным пальцем перед носом Федора Петровича, но, утратив опору, сполз вниз. Это его не смутило. Сделав еще несколько невнятных, но многозначительных намеков на то, что он знает и куда скажет,

пьяный захрапел. Лопата строго и бдительно охраняла его несправедный сон.

Федор Петрович одернул пиджак и неторопливо пошел прочь. Настроение у него несколько испортилось.

«Знает он... Черт пьяный... — думалось ему. — Ну, что ты знаешь? Что?.. Болтаешь, невесть что... Может, и правда, позвонить в милицию?»

Федор Петрович вернулся к себе, но, сняв трубку, набрал почему-то не «ноль-два», а «ноль-три». Услышав в трубке: «Скорая слушает», — он открыл рот, потом закрыл и положил трубку. Свету Никомушину решил ждать не на улице, а дома. «Прохладно становится, — сказал он себе. — Адрес-то она знает. Еще простужусь... Ничего страшного, найдет...» — и он сел в глубокое мягкое кресло.

Света вскоре пришла, и у Никомушина снова улучшилось настроение. После первых приветствий Света сказала, капризно надув губки:

— Ты же обещал меня встретить.

Федор Петрович засмеялся:

— В-видишь ли, Светочка... Дела, дела срочные и неожиданные. Да и рано еще.

— Рано... Я так испугалась... Там на углу пьяный сидит. Прямо на тротуаре.

Брови Федора Петровича сошлись у переносицы.

— Н-да? — хмуро сказал он. — Пьяный. Экая напасть. Н-да... Сидит, говоришь... И что же он?

— Ругается. Кричит.

— А что кричит?

— Ну, что... — Света покраснела. — Ну, всякое...

— Что именно? — настойчиво повторил Никомушин.

Света растерянно пожала плечами.

— Ну — что... — смущенно ответила она. — Ну, мол, живут люди без стыда, без совести, а честным плохо. И всякие слова... Да ну его! — махнула рукой Света.

— И куда смотрит милиция! — с досадой сказал Федор Петрович. — Нет, я этого так не оставлю!

Но, поддавшись мягким уговорам Светы, Никомушин успокоился. Вечер прошел мило. Легкое вино, легкие закуски, легкие разговоры.

— О-о-о, уже поздно! — посмотрев на часы, сказала Света. — Мне пора... Ты проводишь?

Федор Петрович что-то промямлил. Света удивленно посмотрела на него.

— Мне будет страшно, — сказала она.

— А я такси вызову! — и Федор Петрович тут же вызвал по телефону такси.

Обиженная Света уехала к Саши Зипперу и пожаловалась ему на странное поведение Никомушина. Зиппер — человек отзывчивый — как мог ее успокоил, но сам задумался.

А Федор Петрович после ухода Светы совсем уж было собрался спать, как вдруг ему показалось, что кто-то глядит в окно. Это было тем более странным, что квартира Федора Петровича находилась на третьем этаже. Федор Петрович погасил свет и выглянул на улицу. За окном никого не было. Федор Петрович задернул поплотнее шторы, но едва лег, как внизу грянул вопль:

— Мья-а-ау-у!..

— Ах, чтоб вас, — простонал Федор Петрович и укрылся с головой. Но это не помогло. Коты продолжали орать:

— Мяу-у-у!!

Особенно старался один, выдававший руладу за руладой:

— Ми-а-а-у-у!..

Ему вторил другой, густым басом:

— Мр-ра-а-ау-у!..

И один раз даже проорал во всю мощь своей кошачьей глотки:

— Мр-рглр-рау-умх-х!..

Так продолжалось до тех пор, пока Федор Петрович не сбегал, ругаясь, на кухню и не вылил из окна полное ведро воды. Коты порскнули в стороны, и снизу донесся разъяренный рев:

— Ошизел, что ли, козел камерунский?!

Никомушин не стал интересоваться, кому была адресована эта фраза и кто ее произнес. Он юркнул в постель и, наконец, уснул.

И вот что из этого получилось.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Если вам полночи не давали спать коты, вряд ли ваш сон можно будет сравнить со сном младенца. Ведь верно? Ох и плохо же спалось в эту ночь Федору Петровичу Никомушину! Отвратительно спалось. Ужасно ему спалось в эту ночь! Сны словно сговорились не давать ему желанного отдыха. Словно заранее составив мерзопакостный план, они, притворяясь невинными, входили в разгоря-

ценную голову Федора Петровича и вершили в ней ужаснейшие дела. Сны действовали хитро и притворялись напропалую.

Сначала Федору Петровичу снилось только хорошее. Снилось ему, будто сидит он в удобном кресле в новенькой квартире, гораздо большей площади, чем наяву. На нем роскошный японский халат с золотым шитьем, а может, даже кимоно. Сверху свисает огромная хрустальная люстра, какую Федор Петрович видел однажды в театре. Рядом с креслом — красивый полированный столик на колесиках. На столике — откупоренная бутылка французского коньяка «Мартель» десятилетней выдержки, и Федор Петрович прихлебывает коньяк из пузатой рюмки, но вкуса почему-то не ощущает. Тогда он встает, подходит к большому — метров шесть высотой — холодильнику и, поднявшись на лифте, достает из холодильника бутылку водки «Столичная». Спустившись вниз, он возвращается в кресло и, отодвинув «Мартель», начинает пить «Столичную». Но снова почему-то не ощущает вкуса.

Перед Федором Петровичем — телевизор с громадным, во всю стену, экраном. На экране, в качестве диктора, — Света.

— Добрый вечер, — говорит Света. — Уважаемый Федор Петрович! С сегодняшнего дня все наши передачи будут обращены только к вам. Ждем ваших индивидуальных заявок.

Федор Петрович вроде бы смущается. Но это с одной стороны. А с другой — чувствует, что это заслуженно и законно. И благодарит.

— Мне выпала большая честь поздравить вас, — говорит Света. — С сегодняшнего дня вы назначены начальником «Римуправления».

И Федор Петрович сразу же понимает, каким теперь будет его оклад.

— Рады были, чрезвычайно рады были сообщить вам это, — говорит Света.

И вдруг Федор Петрович видит, что это вовсе не Света, а старик в жутком пальто.

— Здравствуйте, — мерзко улыбаясь, говорит старик. — Что же это вы, Федор Петрович, старых друзей только на экран пускаете? Позвольте-ка сойти!

— Не позволю! — кричит Федор Петрович. Но старик слушать не желает, а норовит спрыгнуть с экрана в квартиру. А Федор Петрович бежит вдоль экрана и старается этого не допустить.

— Совесть-то ваша у меня прижилась! — кричит старик, тыкаясь то в один угол, то в другой. — Выходил я ее, совесть-то вашу! Поправилась она! Здорову-ущая стала!

— Пошел!.. Пошел вон!.. — задыхаясь, кричит в ответ Федор Петрович. — Убирайся вон, мерзавец!

Но старик вдруг, злорадно хохоча, вырос до размеров двухэтажного дома (так что его голова исчезла с экрана и остались лишь ноги в больничных штанах и калошах) и шагнул в комнату.

Федор Петрович в ужасе шарахнулся в сторону и упал с кровати.

Поняв, что в комнате никого нет и все еще продолжается ночь, Никомушин кое-как поднялся с пола, вытер трясущейся рукой пот, обильно выступивший во время сна, и сказал:

— Ч-чертовщина...

Он поискал сигареты, выкурил одну и, немного успокоившись, решил еще раз попробовать уснуть.

Сон не замедлил явиться.

Снится Федору Петровичу, будто идет он по городу. И вроде бы город почти пуст. Вроде бы людей почти что и нет. Идет Федор Петрович и будто понимает, что люди не погибли и не вымерли, а просто пошли куда-то за город. И вроде бы ездят по городу одни только собачники-будочники. И ловят они не собак бродячих, а почему-то кошек. Сетями ловят, как рыбу. Едет, к примеру, такая будка, а позади нее сеть тащится, вроде как трал. А в сети приманка: большой круг домашней колбасы. И кошки со всех сторон бегут на приманку и попадают в сеть. И становится Федору Петровичу приятно. «Ага, — думает, — будете знать, мерзавцы, как под окнами орать». Но еще хочется ему узнать — зачем это их вдруг ловят? Подходит он к будочнику и спрашивает:

— Зачем это вы кошек ловите?

— Собак-то всех выловили, — отвечает будочник.

— Аа-а, — говорит Федор Петрович. — Это хорошо. А куда ж вы потом кошек денете? На мыло?

— Зачем же на мыло? — удивляется будочник.

— Значит, на мех?

— Да какой там мех! — машет будочник.

— А куда же?

— Заказ у нас, — объясняет будочник. — Официальный.

— А какой же это организации понадобилось столько кошек?

— А это не организация, — отвечает будочник.

— А кому?

— Частному лицу.

— Какому это лицу? — удивляется Федор Петрович.

— А вот, — и будочник показывает Федору Петровичу квитанцию. И Федор Петрович читает в ней свой адрес.

— Да зачем же мне столько кошек! — ужасается Федор Петрович. — Что ж я с ними делать буду?

— Напрокат давать, — говорит будочник.

— Кому?!

— У кого мышей много.

Это Федора Петровича заинтересовало. Это ему в голову не приходило.

— А сколько платят? — спрашивает он у будочника.

— Много, — отвечает. — Так что вы, Федор Петрович, и дачу постройте, и вторую машину купите. А может, даже третью. А как кошки состарятся, можно с них шкурки содрать и шапокшить. А после по двадцать пять рубликов продавать. Тоже прибыль, Федор Петрович.

— А вы меня знаете? — удивляется Федор Петрович.

— Кто ж вас не знает? — в свою очередь удивляется будочник. — Вы ж у нас редчайшая личность. Можно сказать, уникам.

И становится Федору Петровичу приятно.

А будочник говорит:

— Вы у нас, можно сказать, единственный советский потеряли. Даже и не потеряли, а сами отдали. Как в песне поется: «Вот она — была и нету».

Это уже Федору Петровичу совсем не нравится, и вдруг он видит, что будочник — не будочник, а старик.

— Не узнаете? — говорит старик.

Федор Петрович пускается бегом по улице. И вроде убежал он из города на какой-то пустырь, а на пустыре лежит громадная, метров десяти в диаметре, милицейская фуражка. Закричал Федор Петрович в ужасе и проснулся.

За окном светало.

«Что за ерундистика! — подумал сердито Федор Петрович. — Кошки... Фуражки... Не бывает таких фуражек... С этими снами разве выспишься? Теперь весь день как разбитый будешь...»

Он раздраженно зевнул, почесался. Посмотрел на часы.

«Ну вот. Уж и на работу пора».

Но, конечно же, после такой ужасной ночи Федор Петрович на работу пойти не мог. И не пошел. Он позвонил заместителю.

— Саша, — сказал Федор Петрович. — Я заболел.

Зиппер сочувственно помолчал. Федор Петрович перечислил ему все свои болезни и все свои указания и повесил трубку.

«Так, — думал он. — Сны снами, но кое-что надо предпринять».

И решил кое-что предпринять.

И вот что из этого получилось.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Но что, что можно было предпринять? Конечно, с одной стороны, можно было снам просто не придавать значения. Однако человеку, живущему такой полной жизнью, какой вот уже полгода жил Федор Петрович, необходимо было душевное спокойствие. А подобные сны... И Федор Петрович твердо решил разыскать зловредного старика, дернуть его как следует за зеленый нос-огурец и выяснить: по какому такому праву старик нагло лезет в чужие сны, то есть в сны, лично принадлежащие не кому-нибудь, а самому Федору Петровичу.

Более того, Федор Петрович, едва поднявшись с постели, сел за письменный стол и настучал на машинке «Эрика» заявление в милицию. По поводу знахарства и шарлатанства, и что пора бы пресечь. Только вот никак не мог вспомнить, как звали старика. Вроде и называл он себя, но в голове у Никомушина вертелось только какое-то «Барклайдетольевич». Пришлось Федору Петровичу оставить в этом месте пропуск. Ну и, понятное дело, подписывать это заявление он тоже не стал. Пусть сначала разберутся.

А потом Никомушин оделся как можно незаметнее — в серый костюм и серую шляпу — и отправился на поиски. Задача, конечно, не из легких. Как! Найти человека в относительно большом городе, человека, с которым виделся один-единственный раз, полгода назад, не зная толком ни как его зовут, ни чем он занимается!

Но — характер, характер, черт возьми! За это время характер у Федора Петровича выработался твердый и решительный. Надо — значит, надо.

И начал Никомушин с того, что разыскал то самое стеклянное кафе. Ну, то самое, в котором полгода назад

познакомился с романтиком Васей... То есть Колей! И с тем самым стариком.

Все-таки удача любит людей энергичных и решительных. Вот таких, как Федор Петрович.

Точно так же, как в памятный вечер, Федор Петрович заказал пива и с кружкой в руке стал медленно обходить зал. И — можете себе представить! — за одним из столиков, рядом с облупленным умывальником, Никомушин обнаружил своих старых знакомцев.

Коля сидел, подперев свою кудлатую голову и меланхолично тянул пиво. Старик, сменивший невообразимое пальто на столь же невообразимый плащ, плавно взмахивая рукой, говорил:

— И суть, в конце концов, не в этом. Суть в ином. А что есть иное? Тлен и прах! Ибо не следует обращать внимание на подобные вещи. Ибо разве не сказал в глубокой древности великий мудрец: «Все — суета»? И твои пятнадцать суток...

— Добрый день, — сказал Федор Петрович, присаживаясь к столу.

Рыжий Коля посмотрел на него внимательно и нехорошо. Старик не посмотрел вовсе. Федор Петрович кружкой отодвинул в сторону остатки тощенькой тараньки и спросил, значительно улыбаясь:

— Не узнаете?

— А чего узнавать... — недовольно буркнул Коля. — Нечего узнавать... Ходят тут всякие...

— Мы с вами познакомились полгода назад, — напомнил Федор Петрович, несколько обескураженный таким приемом.

— Ну и что? — спросил Коля. — Мало ли с кем я тут знакомился. Я, может, с полгорода знаком.

— Ну как же так? — загорячился Федор Петрович. — Ну мы же с вами спирт пили! И вино! И пиво!

— Мало ли с кем я пиво пил, — упрямо сказал склеротичный Коля.

Всплеснув руками, Федор Петрович повернулся к старiku:

— Мы же с вами потом еще домой к вам пошли!

— Мы? — промычал тот, уставясь в грязный стол. — Простите. Что-то не припоминаю, прошу покорно.

Такой встречи Федор Петрович не ожидал. В голове всплывали обрывки воспоминаний, связанных с злополучным вечером, и Никомушин пытался в отчаянии уцепиться хоть за что-то, чтобы пробудить крепко спящую

память своих знакомцев. А Коля миролюбиво посоветовал:

— Шел бы ты, дядя, куда... Пристаешь тут. Из-за таких вот и получают пятнадцать суток.

И по лицу Колиному было видно, что он, в принципе, не прочь получить еще пятнадцать суток — из-за Федора Петровича.

— Как же так!.. — чуть не плача, возопил Федор Петрович. — Ну, кафе, за полночь, мы у столика!.. Ну, отец, ты спишь, а я страдаю!

— Отец, — ласково поинтересовался Коля, — ты что — не понял? Объяснить? — и его широкая ладонь сложилась в солидных размеров кулак.

— Ну вы же мне так нужны! — в полном отчаянии воскликнул Никомушин.

— А нужны — через гастронорм, — заявил Коля, и кулак разжался. — Насухо о делах — ни-ни, понял?

— Ладно! — обрадовался Никомушин. — Только зачем же... зачем же гастронорм? Я сейчас... — он подбежал к стойке и вернулся с бутылкой коньяка.

— Гля, батя, армянский! — Коля растроганно погладил бутылку и кивнул Никомушину: — Валяй, выкладывай.

Федор Петрович облегченно вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Сейчас, сейчас... — пробормотал он. — Отдышусь вот только...

— А ты — пивка, — посоветовал Коля, по-прежнему глядя на бутылку.

Федор Петрович послушно отпил. Он со страхом чувствовал, что вся его твердость вкупе с решительностью и энергичностью остались за порогом кафе.

— С-скажите... — обратился он к старику. — Только честно... Куда вы дели мою совесть? Нет-нет, вы не поняли! — поспешно поднял руку Никомушин, хотя старик не успел сделать ни одного движения. — Мне она не нужна. Только, — он молитвенно сложил руки на груди, — не выпускайте ее. Ладно?

В бесцветных глазах старика мелькнуло удивление. Он промолчал. Зато Коля захохотал и хлопнул Федора Петровича по плечу.

— Хохмач, а? Где, говорит, моя совесть! Ну, дает! Цирк! Клугера не надо, ей-богу! «Сомнительную историю» читал?

— Нет, правда, — сказал Федор Петрович, по-преж-

нему обращаясь к старику. — Я, конечно, не специалист, не знаю, но... Может быть, принять меры? Ну, там, иголку в колбасу, а? Я заплачу. Сколько скажете.

Старик улыбнулся.

— Кажется, припоминаю, — откашлявшись, сказал он.

— Ну вот! — обрадовался Федор Петрович. — Давайте... Давайте выпьем! Так сказать, за возобновление знакомства.

Он суетливо откупорил бутылку и разлил коньяк по кружкам.

— Выпить никогда не мешает, — согласился старик.

— Поехали, — сказал Коля и первым опрокинул свою порцию. — Лимончика бы к нему.

— Вы, я смотрю, преуспеваете, — сказал старик, кивая на перстень, золотым пояском охвативший безымянный палец Федора Петровича. — А супруга как — здорова?

— Мы разошлись давно, — махнул рукой Федор Петрович.

— А, да-да, — покивал старик. — Понимаю, понимаю. Жизнь, как говорится, идет вперед... Конечно. Несходство интересов, характеров... Понимаю, понимаю.

— Ну, так как же? — нетерпеливо спросил Федор Петрович?

— Вы, простите, о чем? — осведомился старик.

— Ну, о совести же! — с досадой ответил Федор Петрович.

Старик удивленно спросил:

— Вы это серьезно?

— Да, Господи ж! — плачущим голосом ответил Никомушин. — Да конечно же!

Старик некоторое время смотрел на него, высоко подняв брови, и вдруг захохотал. Никомушин вытаращил глаза.

— Ой, не могу!.. Ой, ну и ну!.. Да вы... вы что же... — захлебнулся старик. — За кого... Ой, не могу... Меня... за черта?!

Федор Петрович обалдело уставился на хохочущего старика, а тот заливался, и ему гулко вторил Коля.

— Вы... вы что? — потрясенно спросил Федор Петрович.

— Да я же... Ой, не могу... — вытирал слезы старик. — Я же пошутил!.. Я же... Ой, не могу!.. Я же... Разыграл вас!..

— Го-го-го! — гоготал Коля.

Федору Петровичу показалось, что мир закачался и медленно начал рушиться. В глазах зарыбило.

— То есть... как?! — с ужасом прошептал он.

— Да так уж!.. Ха-ха-ха!.. Вижу, страдает человек, дай, думаю, развлеку, потешу немного... Вы уж простите великодушно.

Федор Петрович сомнамбулически поднялся.

— Значит... Совесть...

— Совесть ваша, естественно, при вас оставалась, дорогой вы мой человек, и ничего с ней никто не делал, — перестав смеяться, сказал старик. — Да и не могло с ней ничего случиться. Поскольку совесть — нечто нематериальное, эфемерное, так сказать.

— Но... как же... я-то... А?! — и Федор Петрович, с остекленевшими глазами, никого не видя и ничего не слыша, пошел к двери.

Старик покрутил пальцем у виска.

— Псих, — подтвердил Коля. — У нас тоже один такой был. Сначала вроде ничего, нормальный, выпивал как все. А после бросил, книжек медицинских накупил, а после принялся медицинскими всякими плакатами мостовую возле дома обклеивать. Про алкоголизм и венерические. Жуткие плакаты, — Коля передернул широкими плечами. — Вызвали «скорую», отправили в психушку... Выпьем, дедуля?

И они тут же забыли о Никомушине. И не было им никакого дела до того, что ведь погиб, погиб человек! Рухнул с сияющих вершин своего счастья на грязный асфальт. И разбился, как электрическая лампочка. Вот они, люди-то! Ближние, так сказать. Ну, пожюри, поругай, но зачем же так вот?

А Федор Петрович, согнувшись в три погибели под тяжестью свалившегося на него несчастья, медленно брел, не разбирая дороги. В глазах его стояли слезы, а лицо выражало фантастическую смесь различных чувств. В душе Федора Петровича окончилась осень и началась зима. Там были завывания ветра, снегопады и долгие безлунные ночи. Там был вой волков и заснеженная глухая степь, и в той степи глухой замерзал ямщик, и лицо этого ямщика точь-в-точь было лицом Федора Петровича.

А вокруг хороносила весна. Весеннее солнце весело светило с голубого юного неба, и было ему наплевать на все беды Федора Петровича Никомушина. И птицам, весело оравшим на все голоса, чужд был Никомушин. И

для деревьев, весело шелестевших новыми нарядами, был он чужим и ненужным. Даже собаке, весело трусившей за ним, неинтересен он был.

И настолько все это ощущалось, что, когда Федор Петрович свернул за угол, случилось чудо.

Никомушин исчез.

Лопнул с негромким хлопком.

И больше его никто никогда не видел.